

Добужинский, Мстислав Валерианович (1875-1957) (Dobužinskis, Mstislavas)
Воспоминания / М.В. Добужинский ; издание подготовил Г.И. Чугунов. - Москва : Наука, 1987. - 477 p., [36]
ilustr. lap : iliustr. - (Литературные памятники). - Su bibliogr. ir r-kle
50-51 p. Mstislavo Dobužinskio vaikystės atsiminimai apie Birštoną.

Tą pačią vasarą mano tėvas išvyko gydytis reumatizmą į Ezelio salą, o mane su aukle išsiuntė į Birštoną, prie Nemuno, kur sveikatą stiprino teta Asia. Nutarta, kad pakvėpuoti pušų oru bus naudinga ir man. Atvykus į Birštoną (iš Kauno važiuojame ilgai, dulkėtu keliu), kitą dieną anksti mane pažadino kurtinantis orkestras su turkišku būgnu, po pat langais užgrojęs kažkokį bravūrinį maršą – taip šiame kurorte sutikdavo visus naujai atvykusius. Tas pats žydų orkestras (fleitininkas kažkodėl visada buvo apsirišęs skruostus) grojo ir parke. Oras, prisotintas sakų kvapo, išties svaigino. Iš tos vasaros yra išlikę mieli atsiminimai apie senąjį parką, Nemuną, čia ramiai vingiavusį, o kitame krante susiliejančią su tamsių pušų siena, kur mes persikeldavome valtele. Jūreiviškai apsirengęs aš daug vaikščiodavau vienas, su kitais berniukais užkoptavome į statų, medžiais apaugusį Vytauto kalną. Bet dažniausiai būdavau su suaugusiais.

Teta elgėsi švelniai ir maloniai, pradėjo mane mokyti vokiečių kalbos. Iš Vilniaus dažnai atvažiuodavo storas, plikas ir visada linksmas dėdė Fedia. Kartu su juo mes maudydavomės Nemune. Lįsdamas į vandenį dėdė juokaudavo: „Tai ką, nusišim savo nešvarumus vokiečiams“.

Į Kurhauzą (parke, kur augo seni beržai) rinkdavosi daug žmonių. Ten išsiskyrė viena ponija, šalia kurios visuomet sukosi triukšminga ir nuolatos kvatojanti kompanija. Kartą parke aš radau didelį akmenį – tikrą širdį ir atsinešiau jį į verandą. Pirmiausia parodžiau dėdei. Deja, niekam nebuvo įdomus mane pradžiuginęs radinys. Truputį išiseidęs tą akmeninę širdį padėjau ant grindų – savo nelaimėi, prie pat tos žaviosios ponios kojų. Pasigirdo juokas ir replikos: „Štai tikras gerbėjas, tai toli eisi“ ir t. t.. Norėjau prasmegti skradžiai žemėn. Man dažnai sakė, kad aš esu gerutis berniukas, ir tas mane labai pykdė. O kartą alėje prie manęs priėjo vienas ūsuotas, aukštas lenkas ir pasakė: „Tos ponios nori tave pabučiuoti“. Aš taip susidrovėjau, kad pravirkau, bet nė už ką nenorėjau atsakyti tetai, kai ji paklausė: „Ką tau sakė tas avigalvis?“

Per vasarą aš gerokai paaugau ir dar labiau ištįsau, bet nepamenu, kad tada Birštone būčiau piešęs.

Iš rusų kalbos vertė Nijolė Juozaitienė

Тем же летом мой отец поехал лечиться от ревматизма на остров Эзель, а меня отправил с няней в Бирштаны на Немане, к тем же дяде и тете. В этом курорте проходила курс лечения теть Ася, и решено было, что в сосновом воздухе и мне побыть будет полезно. Когда мы приехали в Бирштаны (была длинная пыльная дорога в экипаже из Ковно), на другой день рано утром меня разбудил оглушительный оркестр с турецким барабаном, заигравший под самыми окнами какой-то браваурный марш, — так встречали в этом курорте новых приезжих. Тот же еврейский оркестр (у флейтиста почему-то всегда была повязана щека) играл в парке. Воздух, полный смолистого духа, там был действительно упоителен. От этого лета остались очень милые воспоминания старого парка, широкого тихого Немана, который тут описывает плавную дугу, и стоявшего стеной на другом, крутом берегу темного соснового леса, куда мы ездили на лодочке. В своем матросском костюмчике я много гулял один и с компанией мальчиков забирался на крутую лесистую гору Витовта, но больше был со взрослыми.

Тетя со мной была и ласкова, и мило насмешлива, и начала учить меня по-немецки. Толстый, лысый и веселый дядя Федя часто приезжал из Вильны, мы с ним вместе купались в Немане, и он приговаривал, погружаясь в воду: «Ну-ка, пошлем нашу грязь немцам».

В парке — со старыми ветвистыми березами, в кургаузе, собиралось большое общество, там царил одна дама, около которой толпилась громкая и хохочущая компания. Однажды я нашел в парке большой камень — настоящее сердце, принес на веранду и начал было его всем показывать, начиная с дяди, но никто не обратил никакого внимания на мой восторг: тогда я, немного обиженный, положил мое каменное сердце на пол, и на беду — как раз у самых ног этой прекрасной дамы. Это увидели, и, конечно, поднялся смех и шутки по моему адресу: «Ага, вот настоящий поклонник, ого, далеко пойдешь» и т. д., и я готов был провалиться сквозь землю. Мне часто говорили, что я хорошенький мальчик, что меня невероятно злило, а однажды один усатый длинный поляк подошел ко мне в аллее и уныло сказал: «Вот те барышни хотят тебя поцеловать». Я так смутился, что расплакался, и ни за что не хотел ответить тете на ее вопрос: «О чем тебе говорил этот болван?»

За лето я, по-видимому, поздоровел и еще больше вытянулся. Не помню, чтобы я в Бирштанах рисовал.